

Н. П. ЧЕХОВ. <ДЕТСТВО>¹

Публикация С. М. Чехова

Воспоминания брата писателя, художника Николая Павловича Чехова (1858—1889) о раннем детстве сохранились в черновой рукописи, конец которой утерян. Они написаны, по всей вероятности, весной 1889 г. в усадьбе Линтваревых на Луке, незадолго до смерти. Этим и объясняется, почему эти документы остались в семье Чеховых, а не у гражданской жены Николая Павловича — А. А. Ипатьевой-Гольден. В них Н. П. Чехов описывает события, имевшие место «двадцать три года назад», то есть, вероятно, в 1866 г., когда детям Чехова было: Александру 11 лет, Николаю — 9, Антону — 6 и Ивану — 5.

Воспоминания находились у М. П. Чехова, а ныне хранятся в собрании С. М. Чехова.

Ниже печатается текст черновой рукописи; в примечаниях печатается текст неоконченного письма Н. П. Чехова к дяде, Митрофану Егоровичу Чехову, где также набросаны воспоминания раннего детства.

I

Я помню себя с того времени, когда я жил в маленьком одноэтажном домике² с красной, деревянной крышей, домике, украшенном рещейниками, крапивою, куриной слепотой и вообще такою массою приятных цветов, которая делала большую честь серому палисаднику, обнимавшему эти милые создания со всех сторон. Нет ничего легче, как пробраться в этот трехоконный домик: стоит только перелизнуть через забор и готово, брать в руки щеколду. Если кто-либо, движимый рычагом цивилизации, захотел проникнуть во двор, минуя указанный выше способ доставки своей особы через забор, то должен был сначала обеими руками взяться за кольцо калитки и, понатужившись, стараться повернуть его вправо, затем, видя, что кольцо не поддается даже после чрезмерных усилий, цивилизованному человеку нужно отереть пот, посмотреть на забор, ворота, на палисадник с его милыми цветами, окрашенными лунным светом, посмотреть на луну и опять приняться за трудную работу.

Ни улица, поросшая какими-то небывальми, но прекрасными кустиками, которых так любовно ласкает луна, ни воздух, в котором чувствуется вся поэзия южной ночи, ни абсолютнейшая тишина, ничто, ничто в мире не привлечет внимания цивилизованного человека, он занят, он, все еще пыхтя, борется с кольцом. Бывали нередко случаи, когда подобная операция имела счастливый успех, и счастливец был поощряем. Ужаснейший выстрел свидетельствовал, что калитка была отворена, это может подтвердить даже та стая псов, которая с громким лаем обыкновенно несется к месту катастрофы. Счастливец закрывает калитку с приятной улыбкой и любовно смотрит через палисадник на открытые пасти псов, с большой энергией грызущих частокол, и их дикое рычанье производит на него отрадное впечатление, в нем он слышит хвалебную песню его особе за его... Но не в том дело. В этом домике пять комнат и затем три ступеньки вниз ведут через кухню к тому святилищу, где возлежат великие мужи,

хотя самый старый из них немножко перешагнул аршин. Комната, в которой почивают еще великие мужи, очень просторна, она разрослась в высоту на три аршина и в ширину на пять. Она выбелена и раскрашена под мрамор. Злые языки утверждают, что она только выбелена, что же касается до раскраски, то это, как говорят они, не что иное, как «последствия совершенного насилия над слабым индивидуумом и к тому же впоследствии убитым». Но я не согласен с их мнением, есть очень много мраморных стен, но неужели каждая носит на себе печать убийства... какие пустяки!..

Хотя я и не стою за это мнение, но тем не менее его и не отрицаю.

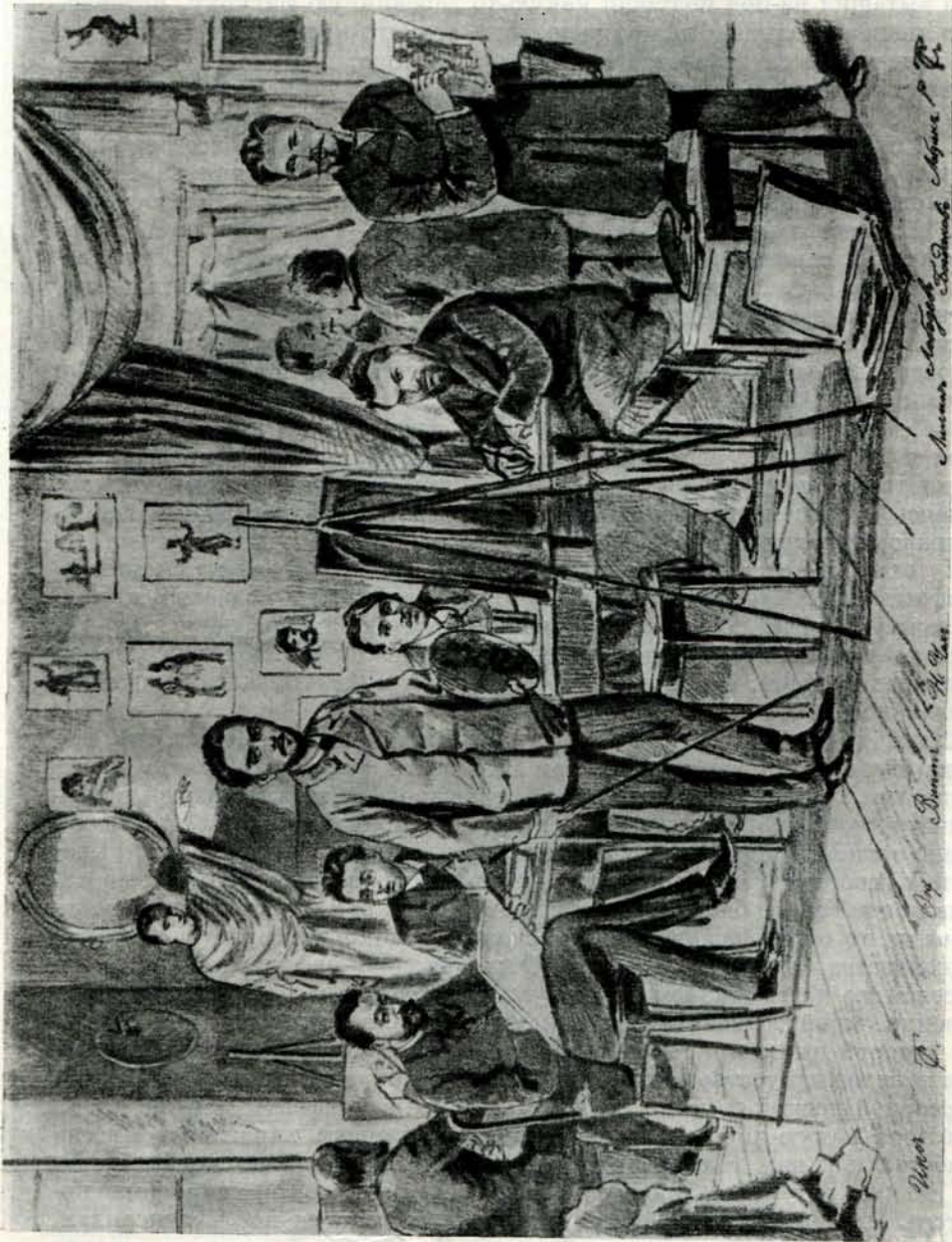
Гаснущая лампадка указывает на иконы какого-то неопределенного цвета, между тем умирающий луч ее скользит по лицам и одеялу спящих, обрисовывая четыре рядом лежащие фигуры малолетних юнцов. Лампадка со скрипом тухнет, и комната погружается во мрак. Из кухни слышится храп, и кажется, что этим апштитным храпом просопел весь город. На улицах темно, пусто, дико; луна не знает, за какое облачко ей спрятаться, потому что не нашла в городе ни одного поэта, хотя бы помещающего свои талантливые произведения в почтовом ящике. Наконец, самолюбие луны берет верх, она прячется и уж больше не показывается. Где-то крикнувший петух захлопал крыльями, где-то зевнула собака, и все смолкло. Это таганрогская ночь.

II

Назойливый луч солнца прошел сквозь щель ставни и разбудил меня. Прищурившись, я посмотрел на него и повернулся в сторону *. <Он> осветил по очереди всю спящую компанию и, играя на лице каждого, как бы думал, вызовет ли эта игра эффект или нет.

Все в комнате было мертво, всюду раздавалось тонкое сопенье, покрываемое толстым храпом из кухни, но была и жизнь. Жил один только дымчатый луч солнца, нечаянно пробравшийся сквозь щель ставни и замерший на первой попавшейся ему фигуре, принадлежащей Ивану. Он поласкал ее, обнюхал, но Иван счел за нужное перевернуться на другой бок, чем должно быть очень оскорбил достоинство луча, так как сейчас же последний остановился на давно уже бодрствующей фигуре Антона. В то самое время, когда луч осветил его нос, Антон, обхватив колена руками, глубокомысленно рассуждал, что больше, кит или кашалот, но тот же луч, сев ему на правый глаз, помешал его мозгам привести свои мысли к какому-либо положительному результату. Все знания эквилибристики были пущены в ход: ослепленный Антон заболтал руками и ногами зараз, точно хотел сказать: «А ведь мы еще не умерли, мы спим»; и если и не прикрыл свои глаза ладонью вроде козырька, то только потому, что был слишком увлечен своим занятием гимнастикой. По-видимому, он обиделся за прерванную цепь его научных рассуждений. Я не знаю, хотел ли он свои соображения подвести под научную категорию, но, насколько помнится, ни одна академия наук не признала его своим членом. Обиженный луч делает свое дело: он идет дальше и освещает мою особу, которая трудится над разрешением важного вопроса: из чего делается смычок для скрипки. Утомив свой мозг над решением трудной задачи, я вдавался в область астрономии. Желая изощрить свое зрение, я пристально вглядывался в луч, как бы желая отыскать в нем законы физического спектра, но — увы! Я пал жертвою науки: я сделался косым ³. Надоедливый

* Здесь рукою Н. П. Чехова написаны отдельные слова: Хотя. Лишь только. Затем рукою Чехова написано: Зембулатов. Далее снова рукою Н. П. Чехова: Дурак Антоша.

МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКОВ «БУДИЛЬНИКА»

Рисунок Т. Симова

За столом (в центре) Н. П. Чехов, рядом (справа) М. М. Чесноков (Ипполит)
«Будильник», 1885, № 12

луч расхаживал и по лицу Александра; сначала Александр отмахивался от него как от мух, затем проговорил что-то вроде «меня сечь, за что?», потянулся и сел. Три старших брата сидели рядом в одной и той же позе и глубокомысленно молчали. Кинув в сторону философские рассуждения, Антон вытащил из-под подушки какую-то деревянную фигурку, которая, по его мнению, должна была олицетворять некоего мифического «Ваську». Взяв деревяшку за то место, где, по его мнению, должна быть голова, он начал проделывать с ним самые уморительные штуки: сначала «Васька» прыгал у него на коленях, затем вместе с Антоном он пополз по мраморной стене. Я и Александр смотрели с большим наслаждением на все похождения «Васьки», до тех пор, пока Антон, оглянувшись, не спрятал его самым быстрым образом обратно под подушку⁴. Дело в том, что проснулся Иван. «Где моя палочка, отдайте мою палочку», — запищал он и далее поднял такой страшный рев, на который сбежалась прислуга и встревоженная мать. В то самое время, когда мать утешала Ивана, умоляла нас, ребятшек, отдать ему палочку, Иван переставал реветь и с большей энергией нюхал воздух, чувствуя себя кровно обиженным. Антон, желая удостовериться, нет ли под подушкой палочки, прятал под нее как можно дальше своего «Ваську».

Уже давно три старших брата бегают на дворе по крыше погреба, а крик в комнате все еще продолжается. Одному из них у погреба удалось найти знаменитую палочку, и сразу все трое с громким криком, царапаясь и невозможно подставляя синяки друг другу, принялись оспаривать право на владение палочкой. Неистовый шум от погреба перешел к тому самому окну, в котором оказалась фигура капризнейшего из смертных. С ловкостью пантеры он перескочил за окно, подбежал к воюющей компании, зажмурил глаза, открыл рот и принялся с большою ловкостью наносить удары направо и налево. В конце концов он остался победителем и, завладев трофеем, самодовольно удалился в комнаты, с наслаждением шморгая носом.

У меня до сих пор живет еще в памяти «моя палочка». Дело в том, что 23 года назад брат моей матери Иван Яковлевич⁵ от нечего делать нашел камышинку, из которой он сострипал нечто вроде палки для людей в поларшина ростом, верхушку которой он ухитрился так загнуть, что любой кузнец, загибая подковы, позавидовал бы искусству дяди Вани. Дядя был, как говорится, молодцом на все руки. Он торговал в Таганроге в рядах на новом базаре бакалейным товаром, но так как покупатели его мало жаловали, то он свободное время посвящал великому искусству. Плодом его творчества было изображение атаки какой-то мифической крепости, нарисованное на громадном листе бумаги в добрую простыню. Это художественное произведение вместо ширмы отделяло магазин от той каморки, в которой он по природной доброте угощал всякого встречного чаем. Когда занятие искусством его утомляло, то он обращался к своему столу с мраморной доской и делал на нем превкусные конфеты или же клеил из картона какую-либо церковь, весьма затейливого характера. Иногда он забегал и к нам только разве для того, чтобы сказать моей матери: «Ну, Евочка, не умереть твоему Сашке своею смертью, он непременно подавится». Это было в тот период детства старшего из нас, Александра, когда он жил у сестры матери Федосьи Яковлевны⁶, которая, горячо любя племянника, сильно его баловала. Любовно смотрела на Александра и бабушка⁷, уже четыре года разбитая параличом, лежавшая в той самой комнате, где сидел на полу Александр, уписывая разложенные перед его особой лакомства.

Помнится мне, один раз мать была сильно перепугана. Влетает к ней Федосья Яковлевна и со слезами, едва переводя дух, заявляет матери, что «Сашечка подавился». Через пять минут мать была уже на месте

происшествия и застала Александра ревушим во все лопатки и держащим что-то во рту, за левой щекой. Около него суетилась прислуга, всхлипывала, хлопая ладонями тетка, и даже бабушка перестала улыбаться. Мать посмотрела пристально на Александра, топнула ногой и закричала:

П. Е. ЧЕХОВ

Рисунок М. П. Чеховой, конец 1880-х гг.

Надпись «В вагоне» сделана рукой М. П. Чеховой. Помета «П. Е. Чехов» принадлежит С. М. Чехову

Собрание С. М. Чехова, Москва

«что у тебя во рту? Вынь, сейчас же, подлый мальчишка!» Невозможно описать изумления и радости присутствующих, когда Александр, перестав реветь, открыл рот и вынул оттуда большой волошский орех.

Мы редко видели рыженькую бородку дяди Вани, он не любил бывать у нас, так как не любил моего отца, который отсутствие торговли у дяди объяснял его неумением вести дела. «Если бы высечь Ивана Яковлевича, — не раз говорил мой отец, — то он знал бы, как поставить свои дела». Дядя Ваня женился по любви, но был несчастлив. Он жил в семье своей жены и тут тоже слышал проклятое «высечь». Вместо того, чтобы поддержать человека, все придумывали для него угрозы одна другой нелепей, чем окончательно сбили его с толку и расстроили его здоровье. Тот семейный очаг, о котором он мечтал, для него более не существовал. Иногда, не желая натолкнуться на незаслуженные упреки, он, заперев лавку,

не входил в свою комнату, а оставался почевать под забором своей квартиры в росе, желая забыться от надоедливой «высечь», «высечь».

Помнится мне, раз как-то он забежал к тетке и попросил укусу растереться и, когда она спросила его о чем-то, со слезами на глазах, дядя махнул рукой и быстро выбе...*

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В рукописи текст не озаглавлен. Заглавие «Детство» дано редакцией в соответствии с письмом Н. П. Чехова к М. Е. Чехову, текст которого приводим:

Д е т с т в о

Я помню себя с того времени, когда мы жили в вашем доме, в той комнате с затхлым воздухом, где слева стоит кухня со своими запахам бурака, недоваренного супа и пролитого на плиту подсолнечного масла, от которого идет дым и ужасный специфический запах, причиной которого... но причин не существует: все это сделалось «так» или «нечаянно»; по крайней мере так объяснили, да и теперь объясняют кухарки, для которых *пролить* что-нибудь доставляет, по-видимому, высшее наслаждение.

В этой в высшей степени пахучей комнате лежало четверо будущих мужей: Александр, я, Антон и Иван. Лежали мы на общей перине «поперек», тесня, давя друг друга, и если луч солнца проглянет когда-либо в щель ставни, то разве только для того, чтобы сказать: «ребята, вы бы разбрелись, и без вас воздух испорчен». Но мы, ребята, спим безмятежным сном, тем сном, который теперь всецело поглотить нас не может и который и в будущем нам не покажется. Прощай, детство! Ты спишь спокойно, хотя, засыпая, чувствуешь розги, уготованные тебе на завтра за твои якобы великие преступления. Теперь совсем не то. Ну, бог с ним, я уклонился. Продолжаю. Утро. Антон обыкновенно просыпался раньше всех, глубокомысленно рассуждая, что больше, кит или кашалот. Не знаю, хотел ли он свои соображения подвести под научную категорию, но, как я помню, ни одна академия наук не признала его своим членом. Затем просыпался астроном; желая изощрить свое зрение, для пользы науки, он пристально вглядывался в луч, скользящий сквозь щелку ставни, как бы желая отыскать в нем законы физического спектра,—но увь! Он пал жертвою науки: он сделался косым. Далее просыпался капризнейший из всех, с вопросом: «где моя палочка?» Это был Иван. Он до того неистово кричал и бил всех своими слабыми, но цепкими ручонками, что просыпалась мать и приходила мирить всю увлекшуюся компанию. Но Иван обыкновенно не сдавался, так что не мудрено, если отцу его иной раз хотелось выбросить за окошко. У нас до сих пор еще живет в памяти «моя палочка».

Дело в том, что двадцать три года назад дядя Иван Яковлевич от нечего делать нашел камышинку, из которой он сострипал нечто вроде палки для людей (в пол-аршина ростом, верхушку которой он ухитрился так загнуть, что любой кузнец, загибая подковы, позавидовал бы. Это в скобках). Ухватятся все за палочку, ну и пошла канитель, явится на крик мать, Курилиха ⁸ и еще кто-нибудь. Палочка всегда оставалась за Иваном. Что делать, все сдавались, иначе и Иван прибьет и высекут за неповиновение. Затем наступило какое-то затишье, Иван Яковлевич умирает, мать плачет, тетка тоже. Все забывается, покрывается туманом и передо мною являются новые образы, новая жизнь.

² Имеется в виду домик деда, Егора Михайловича Чехова, в Таганроге на углу Конторской улицы и Донского переулочка (ныне ул. Розы Люксембург, № 75). Этот домик и земельный участок, на котором он стоит, Егор Михайлович первоначально записал на свою жену Ефросинью Емельяновну. Позже он подарил все домовладение своим сыновьям Павлу и Митрофану, причем землю разделил надвое, каждому по участку.

В 1854 г. Павел Егорович Чехов женился на Евгении Яковлевне Морозовой, и первый год брачной жизни они прожили у ее матери, Александры Ивановны Морозовой. По возвращении из станицы Больше-Крепинской, куда вся семья в 1855 г. бежала от англо-французской бомбардировки и где родился первенец Александр, Павел Егорович вновь поселился в доме деда, где в 1857 г. родился второй сын — Николай. В 1859 г., в связи с женитьбой брата Митрофана, Павел Егорович выехал из этого дома с семьей и поселился в маленьком домике на Полицейской улице (ныне Чеховская улица, № 69); здесь у него в следующем году родился сын Антон. В 1866 г. вся семья Павла Егоровича вновь поселилась в доме Митрофана Егоровича, видимо, не надолго (только на летнее время).

Самые ранние воспоминания Н. П. Чехова о жизни в доме деда относятся, вероятно, к 1859 г., когда ему шел третий год.

* На этом рукопись обрывается.

³ Н. П. Чехов имел привычку щурить один глаз, за что братья награждали его прозвищами: «Косой», «Мордохривенко», «Косой лебедь», «Косая знаменитость» и т. п.

⁴ «Васька» долго продолжал быть любимой игрушкой мальчика-Чехова. Александр Павлович в письме от 17 января 1886 г. напоминает Антону Павловичу: в моисеевском доме «я дружил с тобою. У нас был ошепенный всадник „Василий“ и целая масса коробочек, похищенных из лавки. Из коробок мы устраивали целые квартиры для Васьки, возжигали светильники и по вечерам по целым часам сидели, созерцая эти воображаемые амфилады покоев, в которых деревянному наезднику Ваське с растопыренными дугою ногами отводилось первое место. Ты был мыслителем в это время, и вероятно рассуждал на тему: „У кашалота голова большая?“ Я был в это время во втором классе гимназии». Александр перешел в 3-й класс весной 1869 г. В моисеевский дом Чеховы переехали, по данным П. Д. Карпуна, в 1869 г. Следовательно, описанный здесь эпизод можно отнести к первым месяцам 1869 г., когда Чехову было уже девять лет.

⁵ Иван Яковлевич *Морозов* — старший брат Евгении Яковлевны, родился около 1823 г. в деревне Фофаново, Шуйского уезда.

Мальчиком и юношей он сопровождал отца — Якова Герасимовича в его торговых поездках по югу России и помогал вести торговое дело в Ростове-на-Дону, которое тот открыл, после того как в 1833 г. разорился в Моршанске. В 1841 г. в Ростове познакомился с Павлом Егоровичем Чеховым, которого его отец, выкупившись на волю, временно определил приказчиком к Якову Морозову (сообщено М. Т. К о л о д ч к о). В 1847 г. И. Я. Морозов поступил в приказчики к ростовскому купцу Байдалакову и вскоре лишился отца, внезапно умершего в Новочеркаске от холеры. Через несколько лет переселился в Таганрог, где служил приказчиком у купца Кобылина, прогнавшего его за отказ продавать прогущую икру. Женившись на Марфе Ивановне Лободиной, открыл в 1863 г. на ее приданое в Таганрогских «рядах» собственную лавку и через полтора года прогорел, так как даром раздавал товар беднякам. Умер от чахотки около 1866 г. Был всесторонне одаренным человеком. Играл на скрипке, трубе, барабане и флейте, владел многими языками, рисовал портреты, писал красками и был гримером, мастерил движущиеся игрушки, цветные фонари, модели кораблей, чинил часы, пек пироги, из которых вылетали птицы, делал пирожные и халву, изобрел удочку «Самопал», которая сама вытаскивала рыбу. Никогда ни у кого ничего не просил и ни перед кем не заискивал, дружил с мальчиками Чеховыми.

⁶ Федосья Яковлевна *Морозова* — старшая сестра Евгении Яковлевны, родилась в деревне Фофаново в 1829 г. В юности жила в Шуге, а в 1847 г., после смерти отца поселилась с матерью и сестрой в Таганроге. В 1855 г. вышла замуж за торговца красным товаром Алексея Борисовича Долженко. 3 апреля 1865 г. у нее родился сын Алексей.

В 1874 г. А. Б. Долженко умер от брюшного тифа, после чего, по настоянию Евгении Яковлевны, Федосья Яковлевна поселилась в семье Чеховых. Она обладала кротким и спокойным характером. Будучи одарена чувством юмора и фантазией, она рассказывала мальчикам Чеховым интересные истории, которыми заслушивался юный Антон Павлович. Переселившиеся в Москву, Чеховы летом 1878 г. выписали Федосью Яковлевну с сыном Алешей к себе и она поселилась в их доме, где и умерла в октябре 1891 г. от туберкулеза.

⁷ Александра Ивановна *Морозова*, урожденная Кохмакова — бабушка Чехова, родилась в 1803 или 1804 г. в деревне Сергеево, близ Палеха. Ее отец Иван Матвеевич Кохмаков был потомственным иконописцем и офеней. В большом двухэтажном доме у него была иконописная мастерская. В 1820 г. Александра Ивановна, живя в Шуге у сестры Марии Ивановны, познакомилась с Яковом Герасимовичем Морозовым, за которого вышла замуж 4 июля 1820 г. Супруги поселились на родине мужа — в деревне Фофаново, Шуйского уезда, на берегу р. Тезы. Здесь у них родилось трое детей — Федосья, Иван и Евгений. Во время длительных отъездов мужа по торговым делам Александра Ивановна жила с дочерьми в Шуге у своей сестры Марии Ивановны. 11 августа 1847 г. большим пожаром в Шуге было уничтожено 68 домов, в том числе и дом Марии Ивановны. Непосредственно за этим пришло известие о смерти Якова Герасимовича в Новочеркаске от холеры. Взяв дочерей, Александра Ивановна поехала на юг и поселилась в Таганроге в доме генерала Папкова, который был связан с Яковом Морозовым торговыми делами. В 1864 г. ее разбил паралич, а в 1868 — она скончалась, пролежав без движения четыре года.

⁸ Сестры Мария Никитична и Анастасия Никитична Куриловы — знакомые семьи Чеховых. Они были очень похожи одна на другую, и братья Чеховы часто их путали. Мать Куриловых содержала «пансион благородных девиц», в котором в конце 1840-х годов обучались «грамоте, манерам и танцам» сестры Морозовы — Евгения Яковлевна и Федосья Яковлевна.